

Сюэ Цзиньфэн, балансируя на грани того, чтобы спровоцировать взрыв гнева своего брата, изо всех сил пытался надавить на жалость Шэнь Цинжаня. Он даже упомянул историю о том, как в детстве Сюэ Фэйфэн был заперт в Холодном дворце, чтобы выдавить из невестки сочувствие. Увидев, что человек под одеялом зашевелился — видимо, его слова возымели действие, — он заботливо прикрыл за собой дверь и вернулся в свою комнату.

Его брат просто слишком мягок с невесткой: и того боится, и этого опасается, даже когда разыгрывает спектакль с самоистязанием, заранее договаривается, что не зайдет слишком далеко.

Разве так можно добиться расположения жены?!

Нужно действовать решительно!

Сюэ Цзиньфэн счел себя невероятно находчивым и решил, что в награду заслуживает запечь себе еще одну картофелину.

Сюэ Фэйфэн же оказался в затруднительном положении. Раз уж Сюэ Цзиньфэн зашел так далеко, и Шэнь Цинжань услышал всё, что нужно и не нужно, оставалось лишь стиснуть зубы и продолжать играть свою роль.

Шэнь Цинжань повозился под одеялом и медленно вылез. Закутавшись, он сел и, сверкая покрасневшими глазами, уставился на Сюэ Фэйфэна:

— Чего не встаешь?

Его собственная жизнь в прошлом была слишком хороша, поэтому ему было еще труднее представить, через что прошел Сюэ Фэйфэн: от маленького принца, живущего в роскоши, до низвергнутого изгнанника, который с десяти до шестнадцати лет жил в Холодном дворце с отвергнутой наложницей, а затем сразу же отправился на поле боя. Вплоть до двадцати шести лет, пока его не предал тот самый наследный принц, который когда-то вывел его оттуда, едва не лишив его при этом обеих ног.

Сначала Холодный дворец, потом граница. Шэнь Цинжань вспомнил толстый слой мозолей на ладонях Сюэ Фэйфэна: в одной руке меч, в другой — поводья. Это был след, оставленный десятью годами военных походов. Неудивительно, что Сюэ Фэйфэн мог терпеть все сумасбродства первоначального владельца тела, безропотно снося все тяготы, а после того, как Шэнь Цинжань занял его место, казалось, что жизнь Сюэ Фэйфэна стала еще труднее.

— Так... ты простишь меня? — увидев слезы на глазах Шэнь Цинжаня, Сюэ Фэйфэн мысленно обругал Сюэ Цзиньфэна на чем свет стоит, но раз уж дело зашло так далеко, когда еще выпадет шанс добиться полного прощения, если не сейчас?

— Разве ты не говорил, что наказываешь себя? — Шэнь Цинжань в гневе спустился с кровати.
— А ну, вставай!

Шэнь Цинжань не сказал, что не прощает. Сюэ Фэйфэн понял, что пора остановиться, испугавшись, что Шэнь Цинжань сейчас и вправду расплатится — на ночь глядя у него от этого сердце разорвется.

Как только Сюэ Фэйфэн встал, Шэнь Цинжань наступил на стиральную доску. Босой, нежной, белой ступней он с силой наступил на ребристую поверхность. Шэнь Цинжань не ожидал, что будет так больно — у него аж слезы брызнули из глаз.

Почему так больно?!

Какой идиот вообще придумал заставить Сюэ Фэйфэна стоять коленями на этой штуке?!

Шэнь Цинжань, стиснув зубы, не убрал ногу. Он указал пальцем на кровать:

— А теперь, живо, сию же минуту, иди и ложись!

Сюэ Фэйфэн сам стоял на коленях и прекрасно знал, насколько больно вбивается эта стиральная доска:

— Жань-Жань, не наступай на нее, больно.

— И тебе было больно? — Шэнь Цинжань вскинул бровь, глядя очень грозно. — Я буду стоять, какое тебе дело?

Сюэ Фэйфэну захотелось встать на колени и подставить ладони под его ступни:

— У меня кожа грубая, разве можно сравнивать?

Шэнь Цинжань вытер лицо:

— Если ступням больно, то сердце, думаешь, не из плоти? Думаешь, я не чувствую боли? Сюэ Фэйфэн, ты зашел слишком далеко.

Сюэ Фэйфэн рывком перекинул Шэнь Цинжаня через плечо. Ему совершенно не хотелось спорить с женой, стоящей на стиральной доске — в любом случае он бы проиграл. Он положил заливающегося слезами Шэнь Цинжаня на кровать и, вытирая большим пальцем его влажные виски, произнес голосом, мягким, как летний ночной ветерок:

— Всё было не так страшно, как описывал Цзиньфэн. Если он меня не видит, то сразу начинает придумывать, как ужасно мне живется в Холодном дворце. На самом деле всё было как обычно, разве что нельзя было учиться у Великого наставника. Но наложница Хэ из Холодного дворца тоже была весьма образованной женщиной. Она относилась ко мне как к родному сыну. Мужчины из ее семьи были прославленными генералами с выдающимися заслугами, и когда она входила во дворец, в ее приданом был целый сундук военных трактатов. Она учила меня военному делу ничуть не хуже, чем Великий наставник — Четверокнижию.

Сюэ Цзиньфэн был младше его на три года. Их мать была слаба здоровьем после его рождения и скончалась через пару лет. Сюэ Фэйфэн заботился о младшем брате, будучи самым лучшим старшим братом на свете.

Рассказ о событиях десятилетней давности лился неспешно. Шэнь Цинжань перестал вырываться — он впервые слышал, чтобы Сюэ Фэйфэн говорил о своем прошлом. Не удержавшись, он крепко обнял его за шею и потерся о его грудь.

Сюэ Фэйфэн усадил Шэнь Цинжаня к себе на колени и, продолжая говорить, массировал его ступни, не желая отпускать даже тогда, когда следы от стиральной доски полностью исчезли.

— Позже дела на фронте у Великой Ци пошли плохо, и император отправил наследного принца на север поднимать боевой дух войск. Принц пришел в Холодный дворец и спросил, хочу ли я уехать оттуда, и я согласился. Я изредка тайком писал Цзиньфэну письма, а он постоянно выдумывал то, чего не было. Изначально я был очень благодарен наследному принцу, уважал

его как старшего брата. Думал, что когда он унаследует престол, я буду охранять границы ради него — так я расплатился бы за то, что он вытащил меня из Холодного дворца.

— А потом? — глухо спросил Шэнь Цинжань. — Принц стал бояться того, что в твоих руках военная власть?

Свою власть Сюэ Фэйфэн добыл сам, раз за разом рискуя жизнью, и пользовался всеобщим доверием.

— Да, — Сюэ Фэйфэну не хотелось вдаваться в подробности. — Он боялся, что я стану угрозой его положению.

Сюэ Фэйфэн опустил голову и поцеловал Шэнь Цинжана в лоб — там осталось красное пятно от того, что тот терся о его грубую одежду.

— Лишь после того случая я узнал, что Сюэ Лифэн взял меня на север с намерением отдать Бэйхуэю в качестве заложника. Он боялся, что если поход окажется неудачным, по возвращении ко двору его накажут, и придумал себе такой путь к отступлению. Мне повезло, что тогдашний главнокомандующий был лично знаком с семьей наложницы Хэ из Холодного дворца. Когда я предложил ему возглавить войско для решающей битвы спиной к реке, он согласился. Эта битва переломила ход войны, и мне, к счастью, не пришлось становиться заложником.

Всё это не могло произойти без молчаливого согласия императора.

Сюэ Лифэн, имея заслуги в надзоре за армией, с триумфом вернулся ко двору, получил признание всех гражданских и военных чиновников, и старый император передал ему еще больше власти.

Под жестким давлением Сюэ Фэйфэна Бэйхуэй пришел в упадок. Сюэ Лифэну не нужен был мир на границе. Будучи коварным и подозрительным, он поверил наветам подлецов, вступил в сговор с Бэйхуэем и задумал уничтожить Сюэ Фэйфэна вместе с преданной ему сотысячной армией, чтобы взять под контроль и военную, и политическую власть.

Неизвестно, сколько шпионов Бэйхуэя было среди советников наследного принца. В то время Бэйхуэй уже был загнан в угол, но, воспользовавшись глупостью и жестокостью Сюэ Лифэна, они смогли восстановить силы и переломить ситуацию. Без Сюэ Фэйфэна они начали теснить Великую Ци, и всего за несколько месяцев вынудили ее перенести столицу.

Сюэ Лифэн думал, что вырастил послушную собаку, способную загрызть Сюэ Фэйфэна, и не подозревал, сколько военных ресурсов утекло из Великой Ци в Бэйхуэй за эти годы. А теперь эта бешеная собака — Бэйхуэй — вцепилась в самого Сюэ Лифэна.

Шэнь Цинжань задумался и, наконец, тихо задал вопрос. Он безумно жалел, что не прочитал внимательнее сцены с генералом, которому предназначалась роль пушечного мяса. Как же ему так не везло: каждый раз, когда он проматывал текст, там либо главная героиня занималась фермерством, либо Сюэ Цзиньфэн красовался.

— Почему тебя вдруг... вдруг отдали на воспитание наложнице Хэ? — голос Шэнь Цинжана был едва слышен, он боялся, что это могла быть какая-то дворцовая тайна, не предназначенная для чужих ушей.

Сюэ Фэйфэн немного помолчал, затем ответил:

— На самом деле, я и сам точно не знаю. В тот год произошло много событий: император внезапно тяжело заболел, каждый день приносили дурные вести — наводнение на юге, засуха на северо-западе, распространение чумы... Астрономы наблюдали за звездами и заявили, что в мире появилась звезда бедствий.

— И этой звездой оказался я. — В горле у Сюэ Фэйфэна пересохло. — Стоило мне только написать на бумаге названия округов и провинций, с намерением на следующий день обсудить с Великим наставником методы управления этими землями, как назавтра в императорский кабинет неизменно поступали шокирующие плохие новости именно оттуда.

В его глазах читались глубокая боль и смятение. События десятилетней давности проносились перед мысленным взором, многое уже стерлось из памяти. Тогда, будучи совсем юным и проявляя блестящие способности, он, послушав несколько уроков Великого наставника, отправился в императорскую библиотеку, читал книги, выписывал заинтересовавшие его области и хотел обратиться к наставнику за советом.

В последний раз, накануне дня рождения императора, Сюэ Фэйфэн по вдохновению написал каллиграфический свиток «Сто долголетья». В ту же ночь у императора случился приступ болезни. А на следующий день Сюэ Фэйфэна отправили в Холодный дворец и заперли там.

С тех пор несчастья прекратились, и весь двор ликовал.

Шэнь Цинжань поднял голову, лизнул его в подбородок, словно щенок, а затем поцеловал:

— Ты здесь ни при чем. Информация доходила медленно. Просто кто-то, воспользовавшись разницей во времени, подтасовал факты — пара совпадений, и всё.

— Жань-Жань, — Сюэ Фэйфэн крепко обнял его. Были вещи, которые ребенку не понять, и если бы не наставления наложницы Хэ...

Позже, в армии, насмотревшись на всевозможные грязные интриги и расширив кругозор, он постепенно начал понимать, что к чему, но концы событий тех лет было уже не сыскать.

Шэнь Цинжань толкнул Сюэ Фэйфэна на кровать и потянулся, чтобы развязать его пояс.

Дыхание Сюэ Фэйфэна перехватило, он с недоверием смотрел на проявляющего инициативу Шэнь Цинжаня: пояс развязан, верхний халат снят, штанины закатаны... Скрывать что-либо было уже поздно.

Открылся пугающий шрам на бедре. Он выглядел так, словно здесь когда-то пришивали оторванную конечность; шрам, похожий на свирепую сороконожку, намертво впился в кожу прямо над коленом — тот самый, что в дождливые и пасмурные дни то и дело давал о себе знать ноющей болью.

— Не смотри, — Сюэ Фэйфэн накрыл руку Шэнь Цинжаня своей, но, позаботившись об одном, упустил из виду другое: штанина на второй ноге тоже оказалась задрана, открывая такой же шрам на том же месте, только чуть менее глубокий.

Шэнь Цинжань наклонился и крепко обнял бедра Сюэ Фэйфэна. Во рту стало так кисло и горько, будто он разом проглотил десяток лаймов. Он закрыл глаза, сдерживая слезы.

— Выглядит страшновато, да? — Сюэ Фэйфэн протянул руку и прикрыл Шэнь Цинжаню глаза, поймав ладонью несколько тяжелых капель слез.

Шэнь Цинжань ткнулся в него, словно маленький поросенок, нашел шрам языком и благоговейно поцеловал. С закрытыми глазами он мог лишь кончиком языка скользить по этим рубцам, миллиметр за миллиметром запоминая их форму, запечатлевая в памяти ту боль, которую пришлось пережить Сюэ Фэйфэну.

Новая плоть на месте зажившей раны была невероятно чувствительной. Прикосновение чего-то столь же мягкого, казалось, в одно мгновение исцелило всю боль, вызвав по телу дрожь. Сюэ Фэйфэн широко распахнул глаза; он никак не ожидал, что Шэнь Цинжань станет целовать его там. Он поспешно опустил руку, схватил Шэнь Цинжаня за подбородок и с силой заставил его поднять голову. Увидев эти влажные, полные слез глаза, ему захотелось безжалостно затискать его, заставить плакать еще сильнее.

Сюэ Фэйфэн не мог подавить бушующие в груди эмоции:

— Жань-Жань, не целуй здесь, ты...

Может, попробуешь в другом месте?

Например, кубики пресса, которыми генерал так гордился, или еще что-нибудь.

Шэнь Цинжань моргнул, смахивая слезы. Ну почему в такие трогательные моменты Сюэ Фэйфэн всегда думает о другом? И даже не задумывается, что его «там» ведет себя слишком уж недружелюбно.

Он поднялся, вытер слюну со шрама, осторожно опустил штанины и накрыл Сюэ Фэйфэна ватным одеялом:

— Ложись спать пораньше. Воздержание и забота о здоровье полезны для восстановления.

Что?

Сюэ Фэйфэн:

— ...Шэнь Цинжань, ты ничего не перепутал? Мне двадцать шесть, а не сорок шесть.

Генерал был молод и вовсе не желал «заботиться о здоровье» подобным образом.

Генерал был уверен, что и в сорок шесть он будет полон сил.

Но генерал был стеснительным. До встречи с Шэнь Цинжанем он даже за руку девушек не держал, а в голове у него были лишь военный лагерь да верховая езда.

Из-за недостатка опыта некоторые слова просто не шли у него с языка.

Но если бы он дал волю словам...

— Ты был ранен, это другое, — рассудил Шэнь Цинжань. — Завтра же заварю тебе чашку чая с ягодами годжи.

Сюэ Фэйфэн: Да у него же не такая рана, как у евнухов!

Шэнь Цинжань, видя, что Сюэ Фэйфэна уже не так-то просто успокоить, напустил на себя суровый вид, а в голосе зазвучала обида:

— Что, только что давил на жалость, а теперь даешь задний ход? Пока ты окончательно не поправишься, строжайше запрещаю любые действия с использованием коленей, кроме самых необходимых.

Великий генерал поплатился за свою неосведомленность. Он и не подозревал, что в мире существует великое множество причудливых поз, и можно вполне обойтись и без коленей.

— Ну должен же быть какой-то срок?

— Года три-пять... Ай! — Шэнь Цинжань ущипнули за ягодицу, и он покладисто исправился: — Полгода-год.

Шэнь Цинжань снял верхнюю одежду, укрылся другим одеялом и лег рядом с Сюэ Фэйфэном. Закинув ногу на Сюэ Фэйфэна с вызывающей наглостью и придавив его поверх одеяла, он произнес:

— Вообще-то, я не рассказал тебе еще об одном важном деле.

— В ту ночь, когда я получил навык земледелия, мне также приснилось, что через четыре года наступит голод. Божественный Земледелец сказал мне, что если я посажу достаточно много, то смогу спасти множество жизней.

Сюэ Фэйфэна и так бросало в жар, да еще и под толстым ватным одеялом, но раз уж Шэнь Цинжань прибегнул к уловке и заговорил о серьезных делах именно сейчас, ему ничего не оставалось, как сосредоточиться и слушать.

Неудивительно, что Шэнь Цинжань так спешил с фермерством. Если высокоурожайные зерновые культуры распространятся по всей Поднебесной и за один год будут давать двойной урожай, то голода не случится.

Сердце Сюэ Фэйфэна внезапно сжалось от боли за него. На плечах его Жань-Жаня лежала ответственность даже более тяжелая, чем на его собственных.

Великая Ци так обширна... Когда же всему этому придет конец?

Шэнь Цинжань:

— Люди не только не должны голодать, но и, как говорится, когда амбары полны, народ знает добродетель. Все будут восхвалять Великого генерала за то, что он принес им хорошую жизнь.

Никакая он не звезда бедствий. Мой мужчина — непревзойденный герой, уясните это!

Сюэ Фэйфэн понял, почему Шэнь Цинжань так думал, и его сердце окончательно растаяло от нежности.

— Мне плевать на то, что думают люди в Поднебесной. Лишь бы ты сажал на один му земли меньше — можешь даже ругать меня прямо в лицо, я всё стерплю.

— Тоже мне, амбиции.

...

Сюэ Цзиньфэн полагал, что сегодня увидит милующихся брата и невестку, но, понаблюдав за ними некоторое время, пришел к выводу: кажется, брат стал бояться невестку еще больше?

Выражалось это в том, что если Шэнь Цинжань велел ему сидеть, Сюэ Фэйфэн не смел даже стоять.

Младший брат из-за своего длинного языка понес двойное наказание в виде работы. Под глазами у него залегли темные круги: две спальни не прилегали друг к другу, и он всю ночь, прижавшись ухом к двери и сосредоточившись изо всех сил, с трудом подслушивал.

Он тихонько вздохнул: ну и никчемный же у него брат!

Самое время купить брату пару книжек для просвещения.

Уголки губ младшего брата изогнулись в ухмылке, и он стал точь-в-точь похож на распутного повесу, отправляющегося в квартал красных фонарей.

Маленькая сценка (не из основного текста):

Сюэ Фэйфэн: В постель или в поле?

Шэнь Цинжань (рефлекторно): Я не пойду в поле! В этой жизни, даже если я умру с голоду, умру на улице, разобью голову о стену, я ни за что больше не пойду в поле!

Сюэ Фэйфэн (снимая одежду и развязывая пояс): Хорошо, как скажешь.

Один парит в облаках, другой в мыле от забот.

<http://bllate.org/book/17933/2064983>